

СПОСОБЕН ЛИ СУД ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ УСТАНОВИТЬ ПЕРЕХОД СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА?

Ванчиков Сергей Александрович
Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
servanichikov@gmail.com

**CAN THE COURT, CONSIDERING
THE APPLICATION FOR PROCEDURAL
SUCCESSION, DETERMINE WHETHER
THERE HAS BEEN A CHANGE
IN THE PARTIES OF DISPUTED
SUBSTANTIVE RIGHTS?**

S. Vanchikov

Summary. The current concept of procedural succession assumes that its basis is the transfer of a disputed substantive right. This article highlights the obstacles that prevent the court from determining whether the transfer of a disputed right has occurred. The impossibility of verifying the validity of the legal fact of transfer of rights leads to the conclusion that the transfer of a substantive right cannot serve as the basis for procedural succession.

This article examines the main obstacles faced by a trial court when verifying the validity of the legal fact of transfer of rights. The complexities arising during succession at higher levels, as well as the admissibility of dispute resolution in procedural succession proceedings, remain beyond the scope of this article. These issues are beyond the scope of this publication, as they are specific. The purpose of this article is to demonstrate the fundamental impossibility of establishing the transfer of rights, even in a trial court and in the absence of a dispute over the fact of succession.

These obstacles support the conclusion that the transfer of a disputed right cannot serve as the basis for procedural succession, as the court is unable to verify the validity of this legal fact during the trial, as it cannot determine whether the right exists. This conclusion demonstrates the need for a change in the law.

Keywords: procedural succession, transfer of rights, replacement of party.

Процессуальные кодексы [1, 2], Конституционный Суд РФ [3], ВАС РФ [4], Верховный Суд РФ [5] и значительная часть литературы [8, 10] исходят из того, что основанием процессуального правопреемства является переход спорного права.

В частности, согласно ч. 1 ст. 44 ГПК РФ, в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее пра-

Аннотация. Действующая концепция процессуального правопреемства исходит из того, что его основанием является переход спорного материального права. В статье показываются препятствия, которые не позволяют суду установить, состоялся ли переход спорного права. Невозможность проверить действительность юридического факта перехода права приводит к выводу, что переход материального права не может являться основанием процессуального правопреемства.

В статье рассматриваются основные препятствия, с которыми сталкивается суд первой инстанции при проверке действительности юридического факта перехода права. За пределами настоящей статьи остаются сложности, возникающие при правопреемстве вышестоящих инстанциях, а также вопрос о допустимости разрешения споров в процедуре процессуального правопреемства. Они оставлены за рамками настоящей публикации, ибо являются частностями. Цель же настоящей статьи — показать принципиальную невозможность установления перехода права даже в суде первой инстанции и при отсутствии спора по поводу правопреемственного факта.

Изложенные препятствия являются аргументами для вывода о том, что основанием процессуального правопреемства не может быть переход спорного права, так как суд не способен проверить действительность данного юридического факта в период рассмотрения дела, ибо не может установить, есть ли право. Сделанный вывод свидетельствует о необходимости изменения закона.

Ключевые слова: процессуальное правопреемство, переход прав, замена стороны.

вопеемником. В силу ч. 1 ст. 48 АПК РФ, в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном судебным актом арбитражного суда правоотношении (реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга, смерть гражданина и другие случаи перемены лиц в обязательствах) арбитражный суд производит замену этой стороны ее правопреемником и указывает на это в судебном акте.

Конституционный суд России при этом отметил, что «... переход субъективного права или обязанности в гражданском правоотношении, по поводу которого

производится судебное разбирательство, к другому лицу служит основанием для гражданского процессуального правопреемства. К числу таких оснований федеральный законодатель, как это следует из статьи 44 ГПК Российской Федерации, относит как юридические факты, связанные с выбытием участвующего в деле лица из процесса в результате прекращения его процессуальной правоспособности, когда речь идет об универсальном правопреемстве (смерть гражданина, бывшего стороной либо третьим лицом, — пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации; реорганизация юридического лица — статьи 57 и 58 ГК Российской Федерации), так и юридические факты, связанные с выбытием участвующего в деле лица из конкретного материального правоотношения (спорного или установленного судом), т.е. ситуации сингулярного правопреемства (перевод долга, уступка требования и другие случаи перемены лиц в обязательстве)» (абз. 2 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского»).

ВАС РФ и ВС РФ отметили, что «в случае, когда во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было отчуждено ответчиком другому лицу, а также передано во владение этого лица, суд в соответствии с частью 1 статьи 41 ГПК РФ или частями 1, 2 статьи 47 АПК РФ допускает замену ненадлежащего ответчика надлежащим. При этом отчуждатель привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика (статья 43 ГПК РФ, статья 51 АПК РФ)» [4]. ВС РФ также указал, что «если в период рассмотрения спора в суде состоялся переход прав кредитора (истца) к третьему лицу, суд по заявлению заинтересованного лица и при наличии согласия cedenta и цессионария производит замену истца в порядке, установленном статьей 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статьей 48 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)» [5].

Все сказанное выше предполагает, что участник процесса, являющийся субъектом права или обязанности, производит отчуждение имеющегося у него права или обязанности вне процесса: заключает соответствующую гражданско-правовую сделку, исполняет ее, что влечет переход права или обязанности к другому лицу. Процессуальное же правопреемство происходит на основании уже состоявшегося перехода права.

По сути, процессуальное правопреемство является формой реакции суда на изменение, произошедшее

в материальной реальности. Как указывает Конституционный Суд РФ: «Правопреемство как институт гражданского процессуального права неразрывно связано с правопреемством как институтом гражданского права, поскольку необходимость привести процессуальное положение лиц, участвующих в деле, в соответствие с их юридическим интересом обуславливается изменениями в материально-правовых отношениях...» (абз. 2 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского»).

Соответственно, гражданско-правовой юридический факт перехода права (перемена субъекта правоотношения) является не только фактом материального права, но и фактом, имеющим юридическое значение для процесса. Однако влечь соответствующие правовые последствия юридический факт способен только при условии его действительности.

Чтобы суд мог реагировать на переход права, у него должна быть возможность установить его действительность, то есть проверить: существование самого права, вопрос о переходе которого исследуется (ибо ясно, что не может перейти то право, которого нет вообще); заключенность и действительность сделки, лежащей в основании перехода; ее исполнение; наступление условий, влекущих переход права в соответствии с договоренностями сторон. В отсутствие любого из указанных условий право не может считаться перешедшим.

Указанная возможность суда — проверить действительность правопреемственного факта — и станет предметом дальнейшего анализа. Подчеркнем, что от ее наличия зависит то, может ли переход материального права являться основанием для процессуального правопреемства, ибо если суд не может удостовериться в действительности правопреемственного факта, то он не может влечь и правовых последствий.

Это ключевой вопрос для любого варианта концепции процессуального правопреемства, основанного на переходе спорного права. Независимо от того, считать ли, что для процессуального правопреемства достаточно самого правопреемственного факта [11, 12] или для него требуются также согласия cedenta и/или цессионария [4], в первую очередь нужно понять, способен ли суд в принципе установить, что имел место действительный переход права.

Д.Б. Абушенко поставил вопросы: «Должен ли арбитражный суд, допуская процессуальное правопреемство, оценивать юридическую действительность самой цессии (соглашения о переводе долга) и основного

обязательства — обязательства, из которого уступается право требования (переводится долг)? Если должен, то к чему должна сводиться такая проверка?» И дал на них следующий ответ: «... необходимо исходить из принципиальной посылки: для процессуального правопреемства наличие (действительность) основного обязательства вообще не должно иметь значения. Объясняется это тем, что если исходить из обратного, то тогда, к примеру, арбитражный суд первой инстанции, заменяя правопреемника, будет предрешать разрешение дела по существу, что явно не укладывается в процессуальный регламент рассмотрения дела в первой инстанции» [13, 14, 17]. Указанную позицию разделяет А.И. Нечаев [16]. В рекомендациях Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа содержится следующая формулировка: «В судебном акте, вынесенном по вопросу о замене стороны правопреемником, не должно содержаться вывода о действительности обязательства, из которого предположительно возникло уступаемое право (переводимый на другое лицо долг)» [18].

Авторы тем самым формулируют первый аргумент против действующей концепции процессуального правопреемства — поскольку суд не может установить существование самого права, он не может установить его переход. А значит, переход права не может являться основанием для процессуального правопреемства.

С ним нельзя не согласиться. Состязательный характер процесса не позволяет суду считать спорное право существующим, если ответчик оспаривает его наличие. Если бы в определении о процессуальном о правопреемстве суд установил, что право перешло, это вместе с тем означало бы, что суд исходит из его наличия, что недопустимо, ибо предрешает исход спора. Суд познает спорное право, рассматривая дело по существу, и вправе сделать вывод по существу спора только в решении. До этого момента беспристрастность требует от него равной удаленности от истца и от ответчика, равного доверия к утверждениям обоих: как о том, что право есть, так и о том, что его нет, а значит, и установление его перехода невозможно. Выход мог бы быть в том, чтобы допустить процессуальное правопреемство только в тех случаях, когда ответчик не оспаривает существование права, признает иск [15]. Тогда после принятия судом признания иска суд имел бы дело с бесспорным правом. Поскольку иски признаются не часто, приведенное условие свело бы случаи правопреемства на нет.

В своей докторской диссертации Д.Б. Абушенко перечисляет семь аргументов, которые, по его мнению, показывают неэффективность и неразумность закрепления идеи о следовании процессуального правопреемства за материальным [6]. Однако представляется, что по действующей концепции процессуального правопреемства

наибольший удар будет нанесен тогда, когда будет показана ее неработоспособность в принципе — что основанием процессуального правопреемства не может быть переход права, ибо этот юридический факт не может быть установлен.

Помимо невозможности установления существования права есть следующие, до настоящего момента не выявленные в литературе, препятствия к проверке юридического факта перехода права.

1. Характер спора может создавать препятствия к установлению перехода права. Например, немислимо, чтобы суд в рамках одного виндикационного спора вынес два определения о процессуальном правопреемстве: о замене истца и о замене ответчика в связи с отчуждением каждым из них спорной вещи, ибо ясно, что что одно из указанных определений было бы ошибочно, так как собственником одной спорной вещи может быть либо истец, либо ответчик, а значит, только от одного из них право собственности на спорную вещь было способно перейти к контрагенту. Следовательно, суд не может адекватно отреагировать на ситуацию, когда как истец, так и ответчик полагают себя собственниками спорной вещи и отчуждают ее. Совершение процессуального правопреемства только на одной стороне противоречило бы принципам равноправия и состязательности сторон [7].
2. С точки зрения требования правовой определенности и необходимости обеспечить стабильность судебных актов, невозможно вынесение определения о правопреемстве, основанного на переходе права, ибо сделанный вывод о действительности юридического факта перехода права мог бы быть опровергнут решением об отказе в удовлетворении иска. По сути, вывод суда о переходе спорного права, сделанный в определении о процессуальном правопреемстве, нельзя проверить на истинность сам по себе, соответствие его действительности выяснится только после вынесения решения: он верен, если право было, и ошибочен, если права не было. Если право все-таки отсутствовало, сомнительно, чтобы судебный акт, признающий его переход, продолжал оставаться в силе. По-видимому, его следовало бы отменить. Однако отмена судебного акта о правопреемстве поставила бы под сомнение законность всей процессуальной деятельности с участием процессуального правопреемника — у него не было бы оснований для участия в процессе. Например, в суде первой инстанции совершено правопреемство на стороне истца в обязательственном споре. Вступившим в законную силу судебным актом установлено, что у истца право отсутствует. После этого невозможно ответить на вопрос, что

послужило основанием для замены истца: вывод о том, что основанием является переход спорного права, ложно, опровергнуто, ибо установлено, что права не было вовсе. По-видимому, выбывшее из процесса лицо может пересмотреть судебный акт по вновь открывшимся обстоятельствам. Получает ли замененное лицо право «заново» провести процесс (оснований для замены не было, он исключен из процесса неправомерно) или право только подать кассационную жалобу (приобретает только нереализованные процессуальные возможности, при этом не ясно, как участвовавшее в дело лицо, должно реализовать право на защиту)? Все это невообразимо, ибо ясно, что суд, на которого возложено разрешение вопроса о процессуальном правопреемстве, не может быть поставлен в положение, в котором он не способен обеспечить законность процессуального действия, а именно это и происходит, если основанием для процессуального правопреемства является переход спорного права, хотя суд не может проверить его наличие.

3. Для обеспечения лицу, привлеченному к участию в деле в порядке правопреемства, права на судебную защиту необходимо допустить, чтобы он при рассмотрении дела по существу имел возможность доказывать возникновение у него права не только в силу правопреемства, но и по иным основаниям. Вынесение определения о процессуальном правопреемстве на стороне истца, не может препятствовать процессуальному правопреемнику доказывать возникновение у него права собственности на вещь не в связи с правопреемством, ибо изменение основания иска — право стороны. Значит, в определении о процессуальном правопреемстве не может быть вывода о переходе спорного права. Его наличие исключало бы доказывание других оснований приобретения права, ибо, если право перешло в результате правопреемства, оно не могло возникнуть у лица, ни по каким иным основаниям. Точно также лицо, привлеченное в порядке процессуального правопреемства на стороне ответчика, не может быть

лишено права при рассмотрении дела по существу доказывать, что у него право собственности на вещь возникло в силу добросовестного приобретения, то есть не в следствие перехода от правопреемника. А значит, в итоговом судебном акте может быть сделан вывод о наличии у стороны права не вследствие правопреемства, что опровергнет вывод, сделанный в определении о правопреемстве.

4. С точки зрения динамики процесса суд не может установить переход спорного права, ибо не знает, какое право является предметом судебной деятельности. Действующий закон исходит из фактической индивидуализации иска, требует от истца указания только на обстоятельства, на которых он основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства (пп. 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ). Правовая квалификация требования производится судом в решении. До этого момента характер требования остается неопределенным. Например, по иску о взыскании денежных средств могут быть защищены разные требования: о взыскании по договору займа, неосновательного обогащения. Если суд дает юридическую квалификацию требованию, только разрешая дело по существу, то не ясно, уступка какого из требований может влечь процессуальное правопреемство: только обоих; каждого; а может, если уступлено, например, требование о неосновательном обогащении, то первоначальный истец должен остаться в процессе, чтобы в результате разрешения дела получил свою защиту интерес, на реализацию которого был направлен иск? Точно такая же проблема возникает и в вещных спорах, например, когда заявлено требование об истребовании вещи (об обязанности передать вещь), которое может быть предъявлено как к незаконному владельцу вещи (внедоговорное), так и к арендатору, не вернувшему вещь после истечения срока аренды (договорное требование). В целом это актуально для любого иска с альтернативным основанием, где требование может вытекать из разных оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: диссертация ... доктора юридических наук. — Екатеринбург, 2014. — 415 с.

7. Ванчиков С.А. Отвечает ли абз. 3 п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» интересам истца? // Арбитражный и гражданский процесс. — 2025. — № 4. — С.39–43.
8. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-у изд., перераб. — М.: Издательский Дом «Городец», 2021. — 453 с.
9. Гражданский процесс. Общая часть: учебник / Г.Л. Осокина. — 3-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. — 704 с.
10. Гражданское процессуальное право: учеб. / С.А. Алехина [и др.]; под ред. М.С. Шакарян. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. — 580 с.
11. Ильин А.В. Процессуальное сингулярное правопреемство и дух времени // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2025. — №1. — С.131–148.
12. БИльин А.В. и др. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 2. — С.80–137.
13. Комментарии к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т; под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. — 4-е изд., испр. и перераб. — М.: Статут, 2020. — 1071 с.
14. Комментарии к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / [Абушенко Д.Б. и др.]; под общ. ред. В.И. Нечаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 814 с.
15. Мальбин Д.А. Изменение пассивно легитимированного лица в период спора по виндикационному иску // Вестник арбитражной практики. — 2022. — № 4. — С.30–37.
16. Нечаев А.И. Процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве: диссертация ... кандидата юридических наук. — Екатеринбург, 2012. — 169 с.
17. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: более 350 актуальных вопросов: Практическое пособие / под ред. В.В. Яркова, С.Л. Дегтярева. М., Юрайт-Издат. 2005. — 284 с.
18. Электронный ресурс. <https://fasuo.arbitr.ru/node/13468> (дата обращения: 20.02.2026).

© Ванчиков Сергей Александрович (servanchikov@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»